

«Страна Грина», изображенная в его беллетристике, возможно, и населена трагическими фигурами, но на самом деле, как утверждают его близкие друзья, вроде кинопродюсера Джона Сатро, это мир полусвета, исполненный веселого, порой неистового гедонизма. В 1984 году, незадолго до своей смерти, Сатро написал для журнала «Спектейтор» очерк, в котором он невероятно смешно рассказывал о похождениях Грина в Париже пятидесятих годов после наступления темноты.

Связь Грина с Риккарде прервала его десятилетний роман с Кэтрин Уолстон, американкой, женой миллионера-социалиста лорда Уолстона. Некоторые считают, что леди Уолстон, умершая в 1978 году в возрасте 62 лет, играла наиболее важную роль в жизни Грина до того, как он встретился с Ивонной Клоэтта, и что именно ей посвятил Грин «Конец любовной связи» (1951).

«В романе «Конец любовной связи», безусловно, чувствуется влияние его связи с Кэтрин Уолстон», — пишет Майкл Шелден. И американское издание этой самой личной и волнующей книги Грина действительно посвящено Кэтрин. В ней получили выражение не только мысли Грина о сомнительных радостях литературной славы, но и то наслаждение, которое получает человек от адюльтера, равно как и связанное с этим чувство вины.

«От страсти, обуревающей героев «Конца любовной связи», поистине дух захватывает — так она сильна», — говорит Шелден. — Перед вами два человека, настолько влюбленных друг в друга, что они не в силах владеть собой».

Такой же мучительной была и связь Грина с Уолстон. Собственно, Шелден считает, что Уолстон довела Грина до безумия. Он остро переживал то, что она отвергла его. «Хотя Грин умолял Уолстон выйти за него замуж, она отказалась: у нее было несколько детей. Репутация Грина как писателя, возможно, и отличалась уже надежностью, но он не смог бы обеспечить одну из самых богатых женщин Англии всем тем, к чему она привыкла, сколько бы она ни старалась показать, что презирает все это».

Напряженность их отношений, возможно, в какой-то мере объясняет, почему Грин в разгар их связи написал одно из выдающихся произведений антиамериканской литературы — «Тихий американец» (1955).

Не только Сара наделена некоторыми чертами Кэтрин, но и муж Сары, Генри, похож на лорда Уолстона своей терпимостью. Гарри Уолстон не обратил внимания даже на то, что Грин сделал предложение его жене, более того, он, по мнению Шелдена, чуть ли не стал добрым другом Грина. А тот был настолько увлечен Кэтрин, что даже поселился рядом с ее лондонским домом на Сент-Джеймс-стрит. Когда же она переехала в «Олбани», он снял квартиру через площадку от нее.

Из произведений Грина ясно, что его всегда влекло к людям, которые не воспринимали писателя слишком серьезно и не собирались воспользоваться его славой. В «Конце любовной связи», кажется, не Морис Бендикс, а сам Грин говорит, что его привлекает в Саре ее отношение к нему просто как к человеку.

Кэтрин обожала шокировать чопорное английское высшее общество. Именно эта ее насмешливость, стремление к подрыву устоев и привлекали к ней Грина. «А кроме того, она была поразительно хороша собой и сексуальна», — говорит Шелден про Кэтрин Уолстон. — Она намеренно отказывалась следовать условностям — это и зацепило Грина».

«Она единственная из женщин Грина, в которой была хитрость», — говорит Джоселин Риккардс. — Право, не понимаю, что Грэм нашел в ней. Да, она была потрясающе сложна и, по-видимому, настолько хороша собой, что без труда могла «вскружить голову». «Маленькое черное платье», в котором ее видели на приемах, возможно, и было от Диора, а соболя — лучшие в мире, но все же подлинным шиком она не обладала. Она из тех американок, которые всегда прекрасно выглядят в джинсах, в джемпере и босиком... Да, я не могу относиться к ней безразлично даже сейчас, хотя прошло сорок с лишним лет после того единственного раза, когда мы встретились на ужине в доме Фредди Айера. Она мне не понравилась тогда. И я не понравилась ей».

Анита Бьорк

МАЙКЛ МЕЙЕР, биограф-выдумщик и известный переводчик Ибсена, тоже был отнюдь не очарован Уолстон. По его словам, она была «властная, даже

отпугивала». Именно Мейер познакомил Грина в Стокгольме в 1954 году с его очередной большой любовью — шведской актрисой Анитой Бьорк. Сейчас ей уже за шестьдесят, но, по мнению Мейера, она все так же очаровательна. На протяжении четырех десятилетий она занимает одно из ведущих мест в актерском мире Швеции и играет сейчас в постановке «Любовные письма» в Стокгольмском королевском театре.

Связь Бьорк с Грино продолжалась до 1959 года, когда он наконец освободился от чар Кэтрин Уолстон и уехал с Мейером из Европы в Южные моря, а затем в Африку. Но в течение четырех лет Грин то и дело летал в Стокгольм, где Мейер встречал его в аэропорту и вез домой к Бьорк.

Некоторые говорили — и, возможно, они правы, — что увлечение Анитой Бьорк стоило Грину Нобелевской премии. Если верить слухам, Артур Лундквист, который в шестидесятые годы был членом Комитета по Нобелевским премиям, часто говорил, когда заходила речь о кандидатуре Грина: «Только через мой труп». Сам Грин сказал в интервью «Дейли телеграф» в 1988 году, что враждебность Лундквиста, возможно, объясняется «дружескими отношениями, которые были у меня с одной, по-видимому, знакомой ему молодой особой в Стокгольме». По мнению многих, это могла быть только Бьорк.

«Мы с Грэмом отправлялись бродить по городу, пока Анита играла в театре», — вспоминает Мейер, который сумел «добыть» Грину небольшую роль в фильме Трюффо «Ночь по-американски». — Затем Грэм встречал Бьорк у артистического подъезда. Все было очень романтично. К сожалению, Грэм не мог заставить себя поселиться в Швеции. Он предлагал Аните переехать к нему в Англию, но она не хотела уезжать из своей страны. Грэм говорил, она была настолько независима, что ему стоило большого труда убедить ее, чтобы она разрешила ему заплатить за обед или ужин в ресторане».

«Нельзя сказать, что Грэм был неразборчив в своих связях», — отмечает Мейер, который знал всех из описанной Шерри «пятерки», кроме Джоселин Риккардс. — Это были длительные и нежные отношения. Он очень привязывался к женщинам, которых любил». Об этом говорят и другие, хорошо знавшие Грина люди, например, такая уважаемая писательница, как Мари-Франсуаз Аллен, дочь одного из руководителей французского Сопротивления Ива Аллена, с которым подружился Грин.

В 1979 году Аллен влезла у Грина интервью в Антибе. «Я всегда был стеснительным. И сейчас такой же», — сказал он ей, когда она спросила, был ли он плебеем. — С людьми незнакомыми я надеваю маску. А в общении с женщинами обычно жду, когда мне дадут зеленый свет. В жизни у меня, как и у всех, было несколько любовных историй. Каждая длилась довольно долго, и мы сохраняли потом наилучшие отношения».

Три документальных фильма о Грине, снятых Дональдом Стэрроком для Би-би-си, бросают некоторый свет на его отношения с женщинами. Он старался показать, говорит Стэррок, среди прочего, «порою проявляющуюся у Грина потребность отделить секс от привязанности и его неспособность быть с какой-то одной женщиной, его непоседливость и потребность в просторе». Хотя с начала второй мировой войны он жил врозь со своей женой, говорит Стэррок, Вивинен всегда мучительно переживала его связи на стороне. Она также призналась Стэрроку, что в конце сороковых годов предлагала Грину развестись. То, что он с ней так и не развелся, возможно, объясняется его «агностическим» католицизмом. А возможно, Грин из уважения к непоколебимой вере Вивинен в Бога не допустил, чтобы на долю его жены выпали страдания, связанные с расторжением брака.

«Грэм мог также всегда использовать католицизм в качестве объяснения, почему он не женится вторично», — говорит Майкл Шелден. — В конце концов Грин отдал жизнь искусству, все остальное было второстепенным, включая любовные связи. Для него настолько важным представлялось стать хорошим писателем, что все встречавшееся в жизни нередко рассматривалось с точки зрения того, как это можно использовать».

Самой счастливой и длительной стала, несомненно, его связь с Ивонной Клоэтта, которая на протяжении тридцати лет была его любовницей и интеллектуальной спутницей; именно ей сказал он в Швейцарии перед смертью: «Будет ли интересно там?» Она впервые встретилась в 1959 году в Дуала, во Французском Камеруне.

Грин возвращался из Конго, где провёл несколько жутких недель, изучая в лепрозории материал для своего романа «Цена потери» (1961). Ивонна жила в Камеруне с мужем, Жаком Клоэтта, который работал тогда для «Юнилевер».

Ивонна Клоэтта

Лишь семь лет спустя между Грино и Ивонной Клоэтта установились прочные отношения. В начале шестидесятых годов Грин, будучи в России, схватил воспаление легких, и ему рекомендовали не жить зимой в Англии. И вот 1 января 1966 года он переехал в Антиб, где снял маленькую квартиру на авеню Пастера, в пяти минутах езды от дома супругов Клоэтта в Жуан-ле-Пэн.

В этом спартанском жилище Грин провёл один 25 лет. Ивонна, оставаясь замужем за Жаком, каждый день приезжала к Грину около полудня, когда тот обычно кончал работать. Затем они обедали в небольшом ресторанчике у порта, прогуливали спаниеля Ивонны и иногда играли в скрэббл (настоянная игра в слова. — Ред.). При этом Ивонна неизменно выигрывала. А вечером возвращалась к мужу и двум детям.

Утвердив такой распорядок жизни, Грин тем самым как бы подошел к концу одной из своих многотрудных дорог. Повествователь в «Можно одолжить вашего мужа» (1967) говорит: «Единственная любовь, которая выжила, — это любовь, которая со всем мирилась — и с разочарованиями, и с неудачами, и с предательствами, — любовь, которая смирилась даже с тем печальным фактом, когда под конец единственным сильным желанием остается лишь желание иметь кого-то рядом».

«Ивонна помогла Грину взять себя в руки после того, как он побывал в Конго», — говорит Майкл Шелден. — Она внесла в его жизнь спокойствие, мир и простор — ту атмосферу, в которой он жил последние годы. Два своих лучших произведения — «Почетный консул» и «Человеческий фактор» — он написал в годы, что был с Ивонной».

Обе книги отражают зрелость большого писателя. Отошли в прошлое «чрезмерная жестокость и отчаянная романтика», которые, по словам Грина, характеризовали начало его творчества. В своих произведениях он стал более реалистичным, менее сконцентрированным на себе, менее сентиментальным. «Путешествие с тетужкой» (1969) — единственная книга, которую Грин написал «для смеха», хотя в ней нет и намек на подхихикивание, заметное в некоторых более ранних его вещах. Книга посвящена «ЗВК (Здоровому Веселому Котенку, как прозвал Грин Ивонну), которая помогла мне больше, чем я способен высказать».

Ивонна Клоэтта.

«Ивонна была также для Грина своего рода музой», — говорит Дональд Стэррок. — Изменилась его манера письма. Он стал в меньшей мере католиком. Создавалось впечатление, что он черпал вдохновение извне, а не внутри себя». Переклочение Грина с проблем метафизических на политические проявилось особенно ярко в его памфлете «Я обвиняю — Темная сторона Ниццы» (1982), где Грин показал себя великолепным журналистом, открыв кампанию по обвинению коррупции в Ницце и метя прежде всего в ее мэра — Жака Медсена. Грин написал свой памфлет, получив материал от Мартины, дочери Ивонны Клоэтта. После выхода памфлета Грину угрожали смертью.

Ивонна Клоэтта отказалась давать интервью по поводу этого памфлета и даже по поводу «Моего собственного мира», дневника свиданий Грина, который она подготовила для печати вместе с Луизой Деннис, племянницей писателя и канадским издателем. Клоэтта вообще отказывалась выступать публично с тех пор, как в «Харперсэнд-Куин» появилась заметка о ее отношениях с Грино. Она была глубоко оскорблена такими фразами, как: «Они (друзья Грина в Антибе) просто не знали, как вести себя с этой яркой куклой Барби (Клоэтта) в элегантных туалетах, с ярко крашеными волосами».

Дональд Стэррок был возмущен. «В статье Ивонна выглядит глупенькой французской паряжающей так, как будто ей 25. Ничто не может быть дальше от истины. Грин как писатель нашел спасение в Ивонне. Он снова расцвел. Она сыграла огромную роль в его позднем творчестве».

«В своих произведениях Грин стал, несомненно, менее замкнутым на себе, более жизнерадостным», — говорил Макс Рейнхардт, 76-летний издатель Грина, близкий друг его и Ивонны, долгое время считавшийся одним из столпов издательского мира. — Связь с Ивонной Клоэтта, конечно, пошла на пользу Грину как писателю».

За несколько дней до смерти (он умер 3 апреля 1991 года в Веве, в Швейцарии), когда его дочь Каролина и Ивонна сидели возле него в больнице Провиденция, Грин попросил Ивонну подготовить для публикации дневник его свиданий. «Эта просьба к Ивонне подготовить для публикации его книгу — самое человечное, что он мог для нее сделать», — говорит Джоселин Риккардс.

В книжке «Мой собственный мир» есть смешные, трогательные и волнующие места, отобранные самим Грино из 800 страниц тщательно пронумерованных снов. Но — и это весьма характерно — среди них нет ничего эротического.

Во введении Грин пишет: «Может показаться странным, что эротическая сторона моей жизни отсутствует, но я не хочу влечь в тех, кого любил, в этот «Мой собственный мир», хотя и не властен запретить биографам и журналистам писать об этом в Обычном мире».

Привычка Грина запоминать свои сны ведет начало с того дня, когда он стал вести специальный дневник. «В юности», — пишет Клоэтта в своем предисловии к книге, — он лечился психоанализом, и врач требовал, чтобы Грэм пересказывал ему свои сны (что приводило иногда к весьма сложным ситуациям, например, он признался, что видел эротический сон, связанный с хорошенькой женой своего врача)».

Грин просыпался по четыре-пять раз за ночь и набрасывал на бумаге несколько слов, чтобы утром можно было восстановить сон. «Одни сны помогали ему прорвать «блокаду», — пишет Клоэтта. — Другие подсказывали тему для нового романа, как было с «Поле битвы» (1934) и «Почетным консулом» (1973)».

Клоэтта заканчивает короткое, сдержанное предисловие нежным посвящением Грину: «Грэм, во «Власти и славе» ты написал: «Где-то в пространстве есть сверкающие, исполненные обещания мира, наш мир — это не вселенная. И, возможно, есть место, где еще не умер Христос». Если такое место существует, ты, безусловно, нашел его».

Похороны Грина в Швейцарии в апреле 1991 года могли бы быть подходящим постскриптумом к его жизни, не признававшей никаких условностей. Это вполне могла быть сцена из «Конца любовной связи». Вся в слезах, 86-летняя Вивинен Грин бросает на гроб один-единственный цветок. А неподалеку, на этом маленьком кладбище у подножия покрытых виноградниками холмов, что спускаются к Женевскому озеру, — хрупкая фигурка Ивонны Клоэтта.